

ОЛЬГА ПАВЛОВНА ИЛЮХА

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1672-5925; ilyukha.olga@mail.ru

СОЗДАНИЕ УЧЕБНОЙ КНИГИ ДЛЯ КАРЕЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Показано зарождение учебного книгоиздания, ориентированного на обучение карельских детей основам православия, навыкам чтения и письма. Обобщены литературные и архивные сведения о ходе создания учебных книг, обозначена их связь с аналогичными изданиями в других регионах и общенациональными образцами. Рассмотрено содержательное наполнение, структура и оформление учебных изданий, методы обучения чтению. Показана эволюция учебной книги от катехизиса к собственно учебнику, что было связано с расширением информации светского характера и новыми полиграфическими возможностями, привлечением иллюстративного материала. Представлены церковные и общественные институты, а также персоны, участвовавшие в создании учебных пособий. Раскрыта определяющая роль в их подготовке, с одной стороны, православного духовенства и сельского учительства, с другой – просветительских организаций и учреждений. Исследование сосредоточено на проблемах истории учебной литературы для школ, находившихся в пределах современных границ Республики Карелия, спроецированных на карту населенных карелами волостей и уездов Олонецкой и Архангельской губерний.

Ключевые слова: карелы, карельский язык, православие, школьное обучение, книгоиздание, учебная книга

Благодарности . Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН. Тема «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты» № 125032004283-0.

Для цитирования: Илюха О. П. Создание учебной книги для карелов в контексте православного просветительства XIX – начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1350

ВВЕДЕНИЕ

Развитие начального школьного образования в России в XIX – начале XX века сопровождалось ростом потребности в учебной книге. Создание учебников было тесно связано с самой функцией народной школы, важнейшей задачей которой при постепенном нарастании светской составляющей в обучении оставалось религиозное просвещение. Контроль над содержанием школьных книг и пособий осуществляли Святейший Синод и Министерство народного просвещения (МНП). В процесс подготовки школьных книг были вовлечены интеллектуально-педагогические силы по всей стране, включая образованных представителей многочисленных народов Российской империи.

В современной историографии представлены разнообразные аспекты подготовки печатных

изданий для карелов. Историки рассматривают роль краеведов и служителей церкви в осуществлении переводов на карельский язык [8], вклад православных братств в подготовку изданий на карельском языке [2], русификаторскую подоплеку переводческой работы для целей богослужебной практики [9], [10]. Появился интерес к особенностям содержательного наполнения учебников для карельских школьников, семантике текстов и иллюстраций [3], [4]. Углубляются языковедческие изыскания, которые рассматривают издания XIX – начала XX века в контексте развития письменной традиции¹.

Ход создания учебной книги для карелов, связанной с религиозным просветительством, в научной литературе оказался растворенным в общем потоке переводческой деятельности и книгоиздательской практики. Вместе с тем тре-

буют уточнения вопросы предназначения и фактического использования тех или иных книг для целей школьного образования. В этой связи необходима не только определенная детализация самого процесса создания учебной литературы для карельских учителей и школьников, определение его инициаторов и круга исполнителей, но и выведение проблематики учебной книги из регионального плана в контекст общероссийского просветительства, установление более широкой связи с процессами и инициативами, имевшими общегосударственное значение. Требуется осмысление этих книг с точки зрения уровня развития школьно-учебного книгоиздания как особой формы книжности, их оценка с педагогической и эстетической (оформительской и полиграфической) позиции своего времени, соответствия интересам учащихся как в отношении представленной в них информации, так и ее подачи в вербальном и визуальном планах.

Цель данной статьи, которая является продолжением исследований автора по истории региональных учебников, – представить некоторые результаты наблюдений по кругу обозначенных выше проблем, показать зарождение учебного книгоиздания, ориентированного на приобщение карельских школьников к православной вере и церкви, обучение навыкам чтения и письма, продемонстрировать связь изданий для карелов с образцами общенациональных учебников и учебных пособий, эволюцией подходов к обучению чтению. Ставится задача обобщить литературные и архивные материалы о ходе создания учебников для карельских школ, находившихся в пределах Олонецкой и Архангельской губерний.

КАТЕХИЗИС ДЛЯ КАРЕЛОВ И РУКОПИСНЫЕ УЧЕБНИКИ

Первые официально санкционированные попытки применения в школах печатных текстов на родных языках «инородцев» опирались на упрощенные катехизисы, которые для многих финно-угорских народов, включая карелов, впервые были изданы на рубеже XVIII–XIX веков. Появление печатной книги меняло подходы к их христианизации [12: 264–265]. Православие как надежная опора имперской власти было сердцевинной школьного образования, при этом постоянное внимание привлекали окраины православного мира, в том числе Урало-Поволжский регион и Карелия.

В январе 1803 года Святейший Синод издал указ о необходимости перевода на языки «инородцев» катехизиса и церковных молитв. В 1804 году, наряду с переводами на чувашский

и черемисский (марийский) языки, вышли в свет переводы на «олонецкий» (ливвиковское наречие карельского языка) и «корельский» (собственно карельское наречие) языки. Тиражи катехизисов составляли от 1200 до 2400 экземпляров. Издание на «корельском» языке предназначалось для Тверской Карелии, тогда как «олонецкий» вариант – для жителей южных волостей Олонецкой губернии. Для создания переводов на «инородческие» языки использовался пространственный катехизис Московского митрополита Платона (П. Г. Левшина), который был сокращен составителями².

Интересующий нас вариант, подготовленный для карелов-ливвиков, был напечатан в синодальной типографии и вышел в свет в виде брошюры под названием «Перевод некоторых молитв и сокращенного катихизиса на олонецком языке», ее общий объем составил 49 страниц³. Через священников катехизисы поступали в немногочисленные сельские приходские училища, которые в начале XIX века были основным типом школ для карелов, где предполагалось вести освоение этих книг в целях религиозных и нравственных. Издание катехизиса, совпавшее с созданием в Карельском крае сети приходских школ⁴, знаменовало собой попытку начать просветительскую работу на новой основе, то есть дополнить устное общение с паствой карельских приходов визуальной информацией печатных текстов.

В самом начале катехизиса оговаривалось его назначение – издание адресовалось тем, кто хочет научиться читать Священное Писание. На первых страницах был представлен алфавит, напечатанный, как и вся книга, кириллицей с использованием традиционного церковно-славянского шрифта. Текстовая часть начиналась с благословения – тринитарной формулы «Во имя Отца и Сына и Святого Духа – аминь», за которым следовала молитва перед учением: «Боже, в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие». Далее были представлены буквы церковно-славянского алфавита и «гражданские письмена», первые слоги, а за ними – популярные молитвы. Содержательное ядро собственно катехизиса, включавшего 30 вопросов и ответов на них, составляли десять заповедей Ветхого Завета с параллельными текстами на «русском» и «олонецком» языках. Вопросно-ответная структура катехизиса предусматривала постижение основ православной веры путем заучивания готовых формул, а не самостоятельных размышлений. Предполагалось использование учениками общепринятого в то время и трудного буквослагательного метода, основанного на механическом

запоминании букв и их названий, слогов, слов и, наконец, целых фраз.

Оформление катехизиса выполнено в стиле, характерном для кириллической печати начала XIX века. В нем использованы такие типографские элементы, как орнаментальные заглавные буквы, заставки, концевая виньетка. Низкое качество печати обусловило недостаточную четкость графических изображений. Тем не менее привлекает внимание открывающая книгу орнаментальная заставка с медальоном посередине. В нем угадывается изображение Святой Троицы с чашей в центре композиции, схематически воспроизводящее канонический образец Андрея Рублева.

Прямые свидетельства использования катехизиса в обучении олонецких карелов не обнаружены. Спустя столетие, в начале XX века, издания катехизисов для «инородцев» в целом подверглись критике с педагогической точки зрения как неспособные заинтересовать «младенчаствующего инородца», сухие по форме и содержанию и часто непонятные из-за низкого качества переводов⁵. Тем не менее издание на ливвиковском диалекте стало экспериментальным опытом, послужило отправной точкой в дальнейшем становлении печатной книги для карелов.

Определенный этап экспериментов в истории создания учебных пособий связан с ведением обучения карельскому языку и созданием кафедры карельского языка в Олонецкой духовной семинарии, открывшейся в 1829 году. Здесь практически ежегодно, вплоть до 1872 года в карельский класс поступали 15–20 учеников. Обучение велось на ливвиковском наречии на основе рукописных учебников и пособий, выполненных преподавателями семинарии. Использовались «Азбука», «Грамматика» и «Лексикон», подготовленные в первые годы работы семинарии лектором курса карельского языка Василием Ильинским. Затем начинание подхватил его преемник Григорий Модестов, работавший в семинарии с 1857 по 1872 год. Он внес в тексты учебников исправления, постепенно усовершенствовал их и в результате создал собственный рукописный учебник «Карельская грамматика», который был допущен к использованию. Эти труды остались в рукописях, как и выполненные преподавателями семинарии многочисленные переводы богослужебных книг на карельский язык⁶.

Интерес к переводческой деятельности проявляло Российское библейское общество (1813–1826), по инициативе которого в 1820 году был осуществлен перевод Евангелия от Матфея на карельский (тверской) язык. Периоды подъ-

емов и спадов активности в переводческой работе были связаны с позицией официальной церкви, отношением к делу некоторых высокопоставленных чиновников и духовных лиц, но в целом переводы богослужебной литературы на карельский язык не прекращались вплоть до советского времени [9].

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ ГРАМОТНОСТИ И ДИСКУССИИ О КАРЕЛЬСКОЙ АЗБУКЕ

В период Великих реформ импульсы по созданию учебных книг исходили из Санкт-Петербургского комитета грамотности, созданного в 1861 году при Императорском Вольном экономическом обществе. В целях содействия развитию начального народного образования комитет в своей деятельности опирался на духовенство как грамотный и близкий к народу слой общества. Уже в первые годы своей работы комитет организовал сбор сведений о наличии рукописных азбук и букварей в различных частях Российской империи, призывал записывать образцы карельской речи.

По поводу поступивших в его распоряжение рукописей азбук, созданных для карелов, в документах комитета отмечалось, в частности, несоответствие знаков алфавита звукам карельской речи. В подобных спорах звучали подчас экзотические предложения использовать «близкие и живительные алфавитные знаки, взятые собственно из карельского быта»⁷. Возможно, имелись в виду карельские деревянные резные календари, надписи и обозначения на которых были представлены системой графических знаков, символов и кириллических букв [1]. Вместе с тем в переписке комитета грамотности со специалистами по финно-угорским языкам рассматривалась возможность использования латинского алфавита. В частности, сторонником такого подхода выступал Ф. Фриман – преподаватель финского языка Санкт-Петербургской духовной семинарии, автор переводов православных богослужебных текстов на финский язык⁸. Напротив, С. И. Барановский, профессор русского языка и литературы Гельсингфорсского университета, считал, что «с небольшими переменами и исправлениями можно было бы русскими буквами напечатать для наших карелов разные полезные книги, изданные для финнов». Собрав сведения у торговцев, он свидетельствовал в записке, направленной в комитет грамотности в 1862 году, что «книг, изданных для русских карелов, нет и в Финляндии в продаже»⁹.

Критика поступивших в комитет грамотности рукописей учебных пособий для карелов сопровождалась осмыслением подходов к обучению чтению, что было отражением процесса постепенного накопления знаний в области карельского языка и в педагогической науке. Передовыми педагогами оспаривался архаичный буквослагательный метод обучения чтению в силу его нерациональности и трудоемкости. Протоиерей Новгородской епархии Ф. В. Гиляровский, оценивая собранные из карельских приходов рукописи, писал в комитет грамотности в 1964 году: «Карельские азбуки, вообще до сих пор, за неимением таблиц по методу Золотова, трудноваты»¹⁰. Речь шла о В. А. Золотове, авторе изданной в 1860 году «Русской азбуки для простого народа», стороннике звукового аналитического метода чтения и письма, разработанного в начале XIX века французским педагогом Ж.-Ж. Жакото. Метод был несколько проще буквослагательного, имел развивающий потенциал, поскольку чтение строилось аналитически (предложение – слово – слог), для чего использовались специальные таблички. Однако применение этого передового метода к карельской азбуке в те годы так и не было реализовано.

Деятельность комитета встречала объективные трудности, обусловленные слабой изученностью карельского языка. По этой причине были обречены на неудачу опыты петербургского чиновника Е. И. Тихонова. Происходивший из Приладожской Карелии, он был страстным исследователем языка и культуры своего народа. Е. И. Тихонов был одержим идеей создания общей азбуки для карелов, говоривших на различных диалектах. В 1864 году была готова рукопись учебника, которую автор оценивал как «связующее звено карельского языка с русским», поскольку к некоторым русским буквам он добавил надстрочные знаки «для выражения звуков карельского языка». Текстовая часть азбуки состояла из переводов молитв, рассказов из Священного Писания, фрагментов азбуки, изданной Д. И. Пресновым¹¹, и стихотворения А. С. Пушкина «Птичка божья». Однако рукопись, отправленная рецензентам, получила отрицательные отзывы и не была опубликована. В частности, священник А. Усердов из Ухтинского прихода Архангельской епархии констатировал, что «Азбука не приемлема для карелов Архангельской губернии»¹². Вместе с тем Е. И. Тихонов подготовил и опубликовал в 1870 году в Санкт-Петербурге «Русско-карельский молитвенник», который он рассматривал как учебное пособие, поэтому передал часть тиража в карельские школы и Олонецкую духовную семинарию [8: 275].

МЕТОДИКА ИЛЬМИНСКОГО И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ИЗДАНИЯХ ДЛЯ КАРЕЛОВ

Системно решить задачу разработки методов обучения «инородцев» русскому языку и их религиозно-нравственного воспитания в духе православия удалось востоковеду, педагогу-миссионеру Н. И. Ильминскому (1822–1891), работавшему в Казани, где сложился один из центров русского православного миссионерства. Он предложил вести обучение с использованием родного языка учащихся, постепенно привлекая русский язык, а учителями в школы для нерусских детей направлять лиц, хорошо знающих язык конкретного народа. В системе различных мер, предложенных Н. И. Ильминским в 1860-х годах, было создание для «инородческих» школ комплекса переводной литературы (вероучительной и учебной) на основе православной кириллической графики. При подготовке учебных пособий по методу Ильминского использовался хорошо известный дидактический прием параллельных текстов, расположенных в две колонки. Система обучения получила одобрение МНП и вплоть до советского времени оказывала влияние на школьную работу с нерусскими детьми, хотя отношение властей к ней менялось. В 1860–1880-е годы Н. И. Ильминским и его сподвижниками были подготовлены с использованием кириллицы и изданы десятки богослужебных книг и учебников для тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. К началу 1890-х годов для мордовских школьников на различных диалектах было издано не менее пяти учебников, для марийцев – тринадцать книг, для удмуртов – восемь, для коми – четыре¹³.

Школы для карельских детей в Олонецкой и Архангельской губерниях долгое время оставались без специальных книг для обучения русской грамоте, тогда как для тверских карелов в 1887 году был издан двуязычный учебник «Родное карельское. Карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей». Книга, составленная учительницей народной школы Анастасией Толмачевской, была опубликована в Москве при финансовой поддержке земства. Тексты светского характера с гуманистическим содержанием составительница букваря заимствовала из азбуки Л. Н. Толстого, религиозные материалы взяла из синодального издания катехизиса начала XIX века. Качество переводов страдало из-за использования большого числа русизмов и синтаксических конструкций русского языка [7: 70].

Идеи Н. И. Ильминского уже после его смерти нашли применение в подготовке и издании учеб-

ных книг на карельском языке. В 1894 году такой опыт был осуществлен для беломорских карелов. Инициатором активной работы, направленной на просвещение нерусских народов Архангельской губернии и создание для них специальных учебников, стал епископ Никанор (Н. Т. Каменский) – кандидат богословия, в прошлом ректор Казанской духовной семинарии, председатель совета Братства святителя Гурия, с 1893 по 1896 год – правящий архиерей Архангельской епархии. Даровитый ученик и последователь Ильминского, он за короткое время службы на севере побывал во всех населенных «иногородцами» частях обширной губернии, в первый же год объехал карельские приходы и установил контакты с местными священниками. Подготовленные ими рукописи, лежавшие под спудом, были востребованы в работе переводческой комиссии, организованной в 1894 году в Архангельске при местном комитете Православного миссионерского общества¹⁴.

Наряду с переводами религиозных текстов комиссия ставила задачу создания «образовательных книг» – букварей, азбук для архангельских карелов, как и для некоторых других народов Архангельского Севера. Как ранее комитет грамотности, переводческая комиссия начала свою работу с обращения к священникам и сбора рукописей, подготовленных знатоками карельского языка. В составе комиссии оказался архангельский священник М. А. Усердов, сын упомянутого выше священника Ухтинского прихода Андрея Усердова, который многие годы занимался составлением русско-карельского словаря и в свое время писал отзыв на азбуку Е. И. Тихонова. Благодаря семейной преемственности черновики отца поступили в комиссию и были использованы в ее работе. Среди других рукописей, присланных в комиссию, оказались «Букварь для карелов» и «Краткий русско-карельский словарь», составленные священником Ухтинского прихода Павлом Преображенским, а также перевод на карельский язык «Краткой священной истории Ветхого и Нового завета», выполненный дьяконом Лаговарацкого прихода К. Дьячковым¹⁵.

Священники М. А. Усердов, Н. К. Дьячков и П. А. Преображенский составили с опорой на поступившие рукописи «Азбуку для карелов, живущих в Кемском уезде», которая увидела свет в Архангельске в 1894 году¹⁶. Две тысячи экземпляров 29-страничной брошюры были направлены в церковно-приходские школы карельских приходов.

Авторы карельской азбуки использовали в качестве образцов издания Братства святителя Гурия, следовавшего принципам Ильминского, и воспроизводили традиционное наполнение и лаконичное оформление учебника. Единственное украшение азбуки – наборная типографская рамка с угловым бордюром на титуле – подчеркивало аскетизм издания. В то же время страницы брошюры удерживали взгляд читателя за счет иерархии шрифтов, разбивающих текст на смысловые блоки и четко организуемых материал.

Азбука включала карельский и русский отделы, а также тексты молитв на двух языках. Карельский отдел предусматривал изучение алфавита русской графики с опорой на родной язык. Составители подобрали понятные для детей слова и выражения из крестьянского быта. В рамках минимального словарного набора авторы азбуки смогли раскрыть связь повседневности карельской деревни с православной традицией за счет темы питания, известных детям с раннего возраста особенностей пищи во время поста и в дни праздников, связанных с православным календарем. Среди оттеняющих специфику быта явлений упоминался кофе – популярнейший в Беломорской Карелии напиток. В этом же отделе приводилась подборка лексем из религиозной сферы, а в заключительной части карельского отдела азбуки перечислялись базовые постулаты Православной церкви [3].

В русском отделе лаконично излагались христианские истины. Учащимся предлагался путь молитвы: приводились обращенные к Всевышнему просьбы за себя, близких и государя. В целом для азбуки была характерна попытка ввести ученика в мир православной жизни, представив его основы с помощью родного языка в упорядоченном и сжатом виде. Несвершенство книги в лингвистическом и педагогическом отношениях вызвало критику современников, создавало трудности в ее практическом применении. Возможно, по этой причине азбуки не было в списках использовавшихся в школах Беломорской Карелии книг ни в конце XIX, ни в начале XX века¹⁷.

При преосв. Никаноре в церковно-приходских школах Архангельской епархии было рекомендовано использовать «азбучки Ильминского»¹⁸. Внимание педагогов также привлекала методика, разработанная в 1890-х годах И. В. Оленевым, учителем школы МНП в с. Кимасозеро Кемского уезда. Педагог-новатор предлагал учитывать при обучении детей русскому языку специфику фонетических особенностей карельского

языка¹⁹. Опыты использования карельского языка в Беломорской Карелии осуществлялись вопреки тому, что в последнем десятилетии XIX века на фоне жесткой политики русификации образовательная модель Ильминского подверглась критике консервативных педагогических кругов как подрывающая единство империи. В 1896 году, когда преосв. Никанор был переведен в другую епархию, планомерная переводческая деятельность в Архангельске прекратилась.

Иначе обстояли дела в Олонецкой Карелии, где в школах всех ведомств в конце XIX века официально было запрещено использование родного языка карелов в процессе обучения. Рекомендовался безжалостный к ученикам «немой» («естественный») метод, предполагавший полное погружение в русский язык с первого школьного дня. На фоне жесткой школьной русификации, проводившейся в Олонецкой губернии, действия преосв. Никанора в соседнем регионе, при всех ошибках и недочетах в подготовке учебников, выглядели прогрессивными с точки зрения педагогической практики и либеральными в плане учета языковых и культурных запросов «инородцев».

УЧЕБНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В годы Первой русской революции в Российской Карелии активизировалась деятельность финских лютеранских миссионеров. В условиях либерализации общественной жизни формировалось карельское национальное движение, одним из требований которого было использование карельского языка в школьном обучении [6: 122, 126]. Созданный в Финляндии Союз беломорских карел выпустил в 1907 году букварь для обучения карельских детей чтению и письму на близкородственном севернокарельскому наречию финском языке²⁰. Финский букварь стал вызовом, который послужил активизации работы российских властей по созданию словарей и учебников [4]. Этот процесс был связан с усилением деятельности православной миссии в разных частях административно разобщенной Карелии. С инициативами подготовки литературы для карелов, в первую очередь для нужд церкви и школы, выступало Карельское православное братство. Его отделения, действовавшие в Архангельской и Олонецкой епархиях, в новых политических условиях обратились к системе Ильминского [2: 177–178]. Активный член Карельского православного братства, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ в Олонецкой губернии протоирей Григорий (Н. К. Чуков) подготовил в сотрудничестве с миссионером и переводчиком братства, знатоком «олонецкого наречия» карельского языка В. М. Никольским брошюру

«Краткая Священная история и молитвы на русском и карельском языках». Тираж, напечатанный на средства братства в 1908 году в Выборге, был направлен в школы в качестве руководства для учителей Закона Божьего. Книга была иллюстрирована гравюрами, которые учитель мог показывать ученикам при отсутствии в школе специального иллюстративного материала. Помещенные здесь рассказы из Священной истории были заимствованы из синодального издания русского букваря В. А. Лебедева «Учение – свет»²¹, что стало очередным свидетельством единства процесса развития российской школьной книги.

В ходе работы над пособием В. М. Никольский приобрел опыт, который потребовался ему при выполнении другого поручения Карельского православного братства – создания букваря для обучения русскому языку карельских детей. Работа над букварем продолжалась несколько лет. После того как рукопись была одобрена Ученым комитетом МНП, она вышла в свет в Петрограде в 1915 году с подзаголовком «Первый опыт обучения инородцев по природно-звуковому методу русской грамоте»²². В условиях финансовых проблем военного времени автор оплатил значительную часть расходов на издание из собственных средств. Составляя букварь, В. М. Никольский взял на вооружение опыт авторов русских букварей, использовал комбинацию религиозных мотивов с бытовыми зарисовками, элементарными сведениями по естествознанию и т. д. С другой стороны, он отчасти воспроизвел подходы составителей учебников для нерусских народов, созданных по системе Ильминского. Здесь, как и в «Азбуке для карелов», но в меньшем объеме, приводились слова и выражения бытового характера на карельском и русском языках, параллельно были размещены тексты популярных православных молитв, небольшие нравоучительные рассказы христианского содержания, заповеди. Важно, что автор учитывал особенности фонетики карельского языка, специфику ударений в словах, особое внимание уделил различению рода, употреблению предлогов – темам, особенно трудным для карелов. В. М. Никольский старался учесть особенности развития душевных сил ребенка и возрастного восприятия книги. Рецензенты отмечали, что благодаря авторским подходам обучение русской грамоте становится для школьника «сознательной работой, а потому и более занимательной»²³.

Карельский миссионер был вынужден учитывать происходивший в России процесс расширения рациональных норм в жизни людей, опыт

создания книг светского характера для обучения чтению. Из таких изданий для букваря были заимствованы многочисленные рисунки предметов и картин быта, в результате чего книга приобрела вид современного учебника. При этом автор, активно публиковавший материалы по карельской этнографии и фольклору в «Олонецких епархиальных ведомостях», не считал нужным отразить в учебном издании этнические особенности карельской повседневности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассматриваемый период учебная книга для карелов Олонецкой и Архангельской губерний прошла путь экспериментов от православного катехизиса, знаменовавшего новый этап христианизации, до букваря, сочетавшего информацию религиозного и светского характера, имевшего вид собственно учебника. Инициативы, исходившие от духовного ведомства и МНП, сопровождались поддержкой общественных организаций и были связаны с осуществлением государственной политики интеграции нерусских народов в империю. Основными средствами достижения этой цели рассматривались освоение русского языка и постижение основ православной веры. Издание книг требовало значительных ресурсов, как правило, такая деятельность осуществлялась при поддержке Святейшего Синода, Санкт-Петербургского комитета грамотности, миссионерских обществ, Карельского православного братства, земства и др. Организации, прямо или косвенно связан-

ные с Русской православной церковью, внесли определяющий вклад в становление учебной книги для карелов. Деятельность властных структур и организаций, заинтересованных в издании литературы на карельском языке, как правило, начиналась с обращения к приходским священникам и учителям, преподавателям различных учебных заведений с целью выявления и сбора составленных ими рукописей. С одной стороны, это говорит об отсутствии должной ответственности в деятельности таких организаций, что определялось меняющейся национальной политикой и ведомственной разобщенностью. С другой стороны, данный факт указывает на то, что на местах была острая потребность в учебных пособиях, которую сельские учителя и священники пытались удовлетворить самостоятельно, создавая рукописные тексты. Хранителями рукописей становились династии сельских священников или профессиональные корпорации, такие как Олонецкая духовная семинария.

В судьбе регионального учебника отражались характерные для всей страны процессы развития народной школы, имперской образовательной политики, эволюции дидактических и методических подходов к обучению «инородцев» русскому языку. В ходе становления учебной книги для карелов не только апробировались инициативы, родившиеся в крупных культурных центрах страны, но и осуществлялись собственные, не всегда удачные эксперименты, аккумулировавшие опыт составителей как «инородческих», так и русских букварей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В исследование памятников карельской письменности рассматриваемого периода внесли вклад А. П. Баранцев, Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев, С. В. Нагурная, И. П. Новак, А. П. Родионова.

² Прокопьев К. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX в. (исторический очерк). Казань, 1904. С. 7–8.

³ Перевод некоторых молитв и сокращенного катихизиса на олонецком языке. СПб.: Синод. тип., 1804. 49 с. Цифровые копии этого и других изданий учебной литературы для карелов XIX – начала XX века размещены в подкорпусе «Памятники письменности» на платформе ВепКар (открытый корпус вепского и карельского языков), <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>.

⁴ В марте 1804 года Святейший Синод принял решение об участии священно- и церковнослужителей в создании таких школ и их содержании. Преподаванием также занимались священники, диаконы и причетники, иногда их грамотные родственники [5: 88–89].

⁵ Прокопьев К. Переводы христианских книг... С. 8.

⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 13, 17.

⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 4.

⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 7.

⁹ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 8–10.

¹⁰ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 7.

¹¹ Речь идет о московском издателе и книготорговце Д. И. Преснове, выпустившем во второй половине XIX века ряд русских азбук.

¹² РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 46. Л. 17, 26.

¹³ Подсчитано по библиографическим данным [11].

¹⁴ Базанов А. Г., Казанский Н. Р. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере: Исторические очерки. Архангельск, 1936. С. 45–47.

- ¹⁵ О деятельности переводческой комиссии, учрежденной при Архангельском комитете Православного миссионерского общества (1894–1895). Архангельск, 1895. С. 4–5.
- ¹⁶ Азбука для кореллов [карелов], живущих в Кемском уезде Архангельской губернии. Архангельск: Типо-литография В. Черепанова, 1894. 29 с.
- ¹⁷ ГААО. Ф. 28. Оп. 2. Д. 29. Л. 15–16.
- ¹⁸ От Архангельского епархиального училищного совета – уездным его отделениям // АЕВ. 1895. № 7. С. 119–120.
- ¹⁹ Оленев И. В. Заметки по обучению грамоте и русскому языку в инородческих школах // Русский начальный учитель. 1899. Апрель. С. 1–10.
- ²⁰ Pieni Alku-opastaja Vienan Karjalaisille. Porvoo: WSOY, 1907. 60 s.
- ²¹ Лебедев В. Ученье – свет: Русский букварь: Чтение и письмо. 6-е изд. М.: Синод. тип., 1906. 128 с.
- ²² Никольский В. М. Букварь для обучения русской грамоте карельских детей. Первый опыт обучения инородцев по природно-звуковому методу русской грамоте. Петроград: Синодальная типография, 1915. 74 с.
- ²³ Новый Букварь // Олонецкие епархиальные ведомости. 1916. № 12. С. 220–222.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова О. Г. Карельские деревянные резные календари из собрания Российского этнографического музея // Рябининские чтения-2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2019. С. 16–20.
2. Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб.: Норма, 2006. 384 с.
3. Илюха О. П. Реконструкция образа православия в его «учебном изводе» (на основе книг для обучения чтению карельских школьников рубежей XIX–XX и XX–XXI веков) // Вестник угроведения. 2025. Т. 15, № 3 (62). С. 518–528.
4. Илюха О. П., Шикалов Ю. Г. «Финский след» в букваристике Карелии конца XIX – начала XX вв. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4. С. 40–59.
5. Калинина Е. А. Закон Божий в русской школе первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 85–97.
6. Корблев Н. А. Создание и деятельность Православного Карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 121–171.
7. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 65–77.
8. Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 446 с.
9. Пулькин М. В. Переводы евангелия на карельский язык в XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 123–131.
10. Пулькин М. В. Переводческая комиссия Архангельского комитета православного миссионерского общества (конец XIX в.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Сб. статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 97–101.
11. Сводный каталог книг на финно-угорских языках, изданных до 1917 года. СПб.: Российская национальная библиотека, 1997. 84 с.
12. Таймасов Л. А. Миссионерское просветительство в Казанском крае в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Регионоведение. 2003. № 3 (44). С. 259–273.

Поступила в редакцию 09.07.2026; принята к публикации 14.08.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Olga P. Ilyukha, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation).
ORCID 0000-0002-1672-5925; ilyukha.olga@mail.ru

CREATION OF STUDY BOOKS FOR KARELIANS IN THE CONTEXT OF ORTHODOX ENLIGHTENMENT OF THE XIX AND EARLY XX CENTURIES

Abstract. The article traces the origins of educational book publishing, with a focus on teaching Karelian children the basics of the Orthodox faith, as well as reading and writing skills. Drawing on literary and archival sources, the

study summarizes the development of educational books, highlighting their connections to similar publications in other regions and national contexts. The study examines the content, structure, and design of these textbooks, as well as methods used to teach reading. It traces the evolution of educational materials from catechisms to standalone textbooks, a shift driven by the expansion of secular knowledge, advances in printing technology, and the incorporation of illustrative elements. The article also identifies church and public institutions, as well as individuals involved in creating these books. It emphasizes the significant influence of Orthodox clergy and rural teachers in their development, on the one hand, and the contributions of educational organizations and institutions, on the other hand. The research specifically addresses the history of educational literature for schools located within the modern borders of the Republic of Karelia, projected onto a map of Karelian-populated volosts and uyezds of the Olonets and Arkhangelsk provinces.

Key words: Karelians, Karelian language, Orthodoxy, school education, book publishing, educational books

Acknowledgements. The article was written as part of the state research task No 125032004283-0 (“Spiritual Traditions of the Peoples of Karelia: Texts and Contexts”) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Ilyukha, O. P. Creation of study books for Karelians in the context of Orthodox enlightenment of the XIX and early XX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1350

REFERENCES

1. Baranova, O. G. Karelian wooden carved calendars from the collection of the Russian Museum of Ethnography. *The Ryabinin Readings-2019: Proceedings of the VIII Conference on the Study and Updating of Traditional Northern Culture*. Petrozavodsk, 2019. P. 16–20. (In Russ.)
2. Vitukhnovskaya, M. A. Russian Karelia and the Karelians in Russia’s imperial policy, 1905–1917. Helsinki; St. Petersburg, 2006. 384 p. (In Russ.)
3. Ilyukha, O. P. Reconstruction of the image of Orthodoxy in its “educational edition” (based on books for teaching reading to Karelian schoolchildren at the turn of the XIX–XX and XX–XXI centuries). *Bulletin of Ugric Studies*. 2025;15(3-62):518–528. (In Russ.)
4. Ilyukha, O. P., Shikalov, Yu. G. “Finnish trace” in research on ABC-books in Karelia of the late XIX – early XX centuries. *Domestic and Foreign Pedagogy*. 2012;4:40–59. (In Russ.)
5. Kalinina, E. A. The Law of God in Russian school at the first half of the XIXth century. *St. Tikhon’s University Review*. Series II: History. 2014;4(59):85–97. (In Russ.)
6. Korablyov, N. A. Creation and activities of the Karelian Orthodox Brotherhood on the territory of Russian Karelia. *Karelians of the Russian-Finnish borderland in the XIX and XX centuries*. Petrozavodsk, 2013. P. 121–171. (In Russ.)
7. Nagurnaya, S. V. The Karelian written language. *Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 65–77. (In Russ.)
8. Pashkov, A. M. Karelian educators and local historians of the XIX and early XX centuries. Petrozavodsk, 2010. 446 p. (In Russ.)
9. Pulkina, M. V. Translations of the Gospel into Karelian in the 19th – early 20th century. *St. Tikhon’s University Review*. Series III: Philology. 2010;4(22):123–131. (In Russ.)
10. Pulkina, M. V. Translation Commission of the Arkhangelsk Committee of the Orthodox Missionary Society (late XIX century). *Intercultural interactions in the multiethnic space of the border region: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2005. P. 97–101. (In Russ.)
11. Consolidated catalog of books in Finno-Ugric languages published before 1917. St. Petersburg, 1997. 84 p. (In Russ.)
12. Taimasov, L. A. Missionary education in the Kazan region in the late XVIII and the first half of the XIX centuries. *Russian Journal of Regional Studies*. 2003;3(44):259–273. (In Russ.)

Received: 9 July 2026; accepted: 14 August 2026; published: 30 September 2026